

Иноземцы у Лукоморья

Иван Колесниченко

На многих западноевропейских картах XVI–XVIII веков на территории Руси можно встретить географический объект, название которого вольно или невольно ассоциируется с пушкинскими сказками. Это «*Lucomoria*» – Лукоморье. Примечательно, что все картографы, в том числе и такие географические авторитеты, как Меркатор, Гондиус, Масса, Кантели, единодушно размещают Лукоморье в одном и том же месте – на правом (восточном) берегу Обской губы, в месте впадения Иртыша в Обь. Позже, в XVIII веке, голландский путешественник Николас Витсен, составляя по итогам своего путешествия в Московию «*Carte Nouvelle de la Tartarie*», также укажет на существование Лукоморья, но перенесет этот загадочный край к заливу Карского моря.

Топоним «лукоморье» исключительно русский, ни в одном другом языке не имеет даже близких созвучных аналогов, поэтому европейские картографы просто записывали его латинскими буквами. На Руси же это слово имело одно-единственное толкование: резко изогнутый морской берег, и в таком

Лукоморье на карте Азии немецкого географа и картографа Иоганна Баптиста Гоманна. 1716 г.

Имперский географ Иоанн Батист Хоманн неоднократно составлял карты территории России, за что, по некоторым данным, был награжден Петром I званием русского поверенного, двумя медалями и золотой цепью.

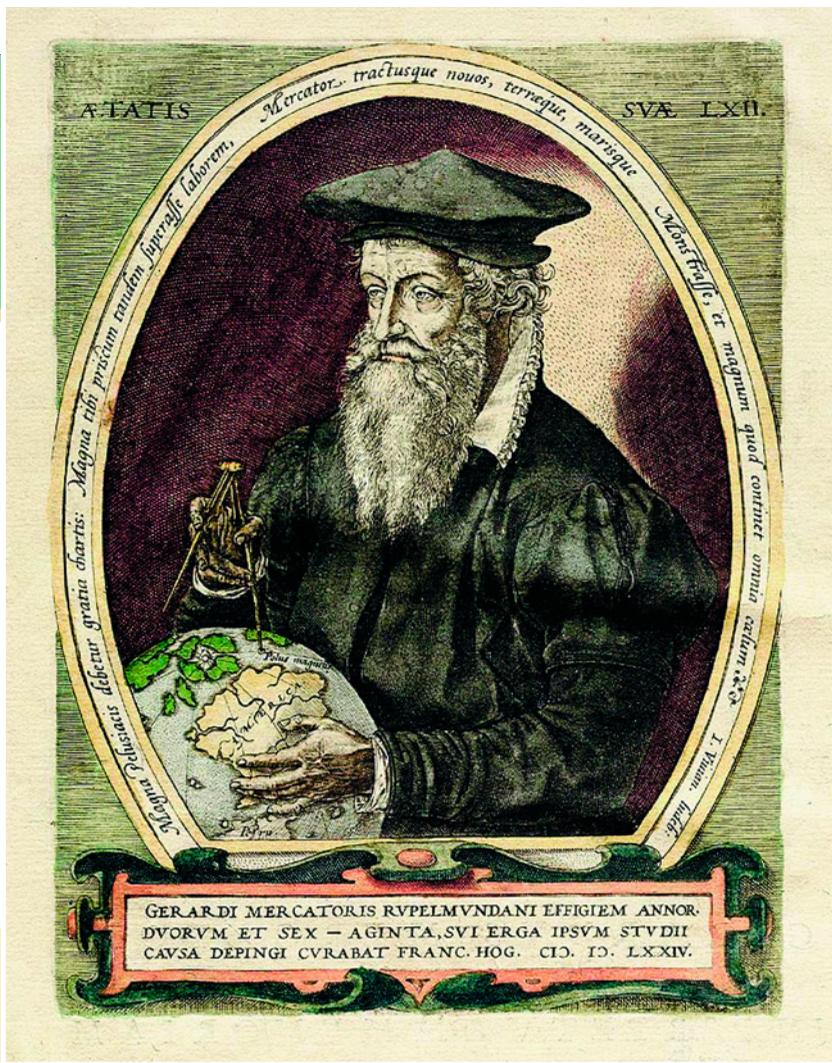
• Загадочное Лукоморье на всех картах отмечено красным знаком.

Знаменитый географ XVI в. и автор новой картографии Герард Меркатор свои авторитетом узаконил Лукоморье. Гравюра из «Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Fugura». 1596 г.

значении – «в луце моря», «из луку моря» – употреблялось еще в литературных источниках XII века. Но... с совершенно иной, чем у европейских картографов географической привязкой – в древнерусских летописях такое название носила местность возле излучин Азовского и Черного морей, где в XI-XII веках кочевали половцы – «лукоморцы». Лукоморьем названа территория Северного Приазовья и низовий Днепра и в «Слове о полку Игореве»: «А поганого Кобыяка изъ луку моря от желъзныхъ великихъ плъковъ половецкыхъ яко вихръ, выторже...»

Внизу:

Лукоморье на карте Российской Империи конца XVII в. Издание Алексиса Жайо, Париж, 1692 г.

Прибытие иностранных послов. XVII век.
Худ. Сергей Иванов. 1901 г.
Третьяковская галерея, Москва.

← Сигизмунд фон Герберштейн в русской шубе жалованной ему царем Василием III. Рисунок 1517 г.

Тогда каким же образом загадочное Лукоморье переместилось в Сибирь, и, судя по европейским картам, оказалось далеко «оторванным» от морской излучины? Оказывается, никакого произвола иноземными картографами допущено не было, и исток этой «истории с географией» также следует искать в древнерусских летописях. Впервые же сибирское Лукоморье появляется еще в «Повести временных лет», в той части, где летописец передает рассказ новгородца Гюргы Роговича о походе его сына на Югру.

В средние века в качестве сибирского географического названия Лукоморье встречается в Югорском дорожнике, описывающем маршрут, который проложили новгородские и псковские торговые люди в XIV – последней четверти XV веков. Этот дорожник, ставший затем одним из источников «Книги Большому Чертежу» для описания пути в Печору, Югру и к реке Оби, состоял он из двух частей, в одной из кото-

Лукоморье на карте Тартарии фламандского картографа и издателя атласов и карт Йодокуса Хондиуса. Конец XVI в.

На Урале. Худ. Владимир Казанцев. 1888 г. →
Иркутский областной художественный музей.

рых содержался весьма ценный для того времени план реальных дорог торговой экспедиции. В другой, легендарной части, рассказывалось о «неизвестных землях» Зауралья, где авторы сами не бывали.

Этим источником и воспользовался австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, чьи обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве Московского Великого княжества и Русского царства, переведенные на многие европейские языки, на протяжении нескольких веков были едва ли не главным «пособием по Руси», в том числе и для картографов.

В Московском княжестве барон Сигизмунд фон Герберштейн в качестве посла побывал дважды: в 1517 и 1526 годах. В первый раз он представлял интересы Великого

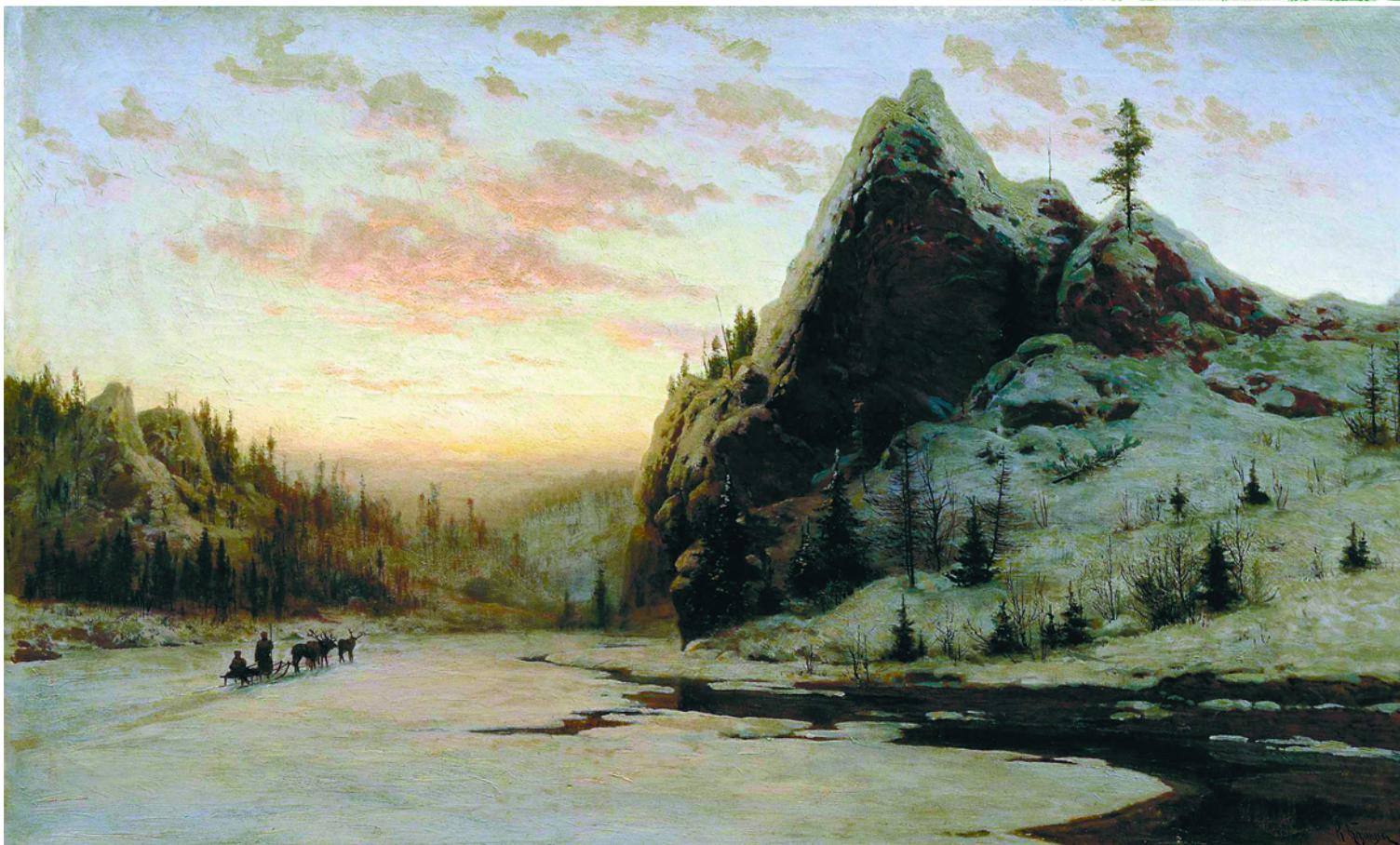
княжества Литовского, в другой – правителя Австрии эрцгерцога Фердинанда. Цели этих посольских поездок были сугубо политическими, и задача Герберштейна состояла в том, чтобы способствовать превращению пятилетнего перемирия между Россией и Литвой, срок которого истек в 1527 году, в вечный мир. Но второй визит – в марте – ноябре 1526 года – затянулся на девять месяцев, которые, помимо обычных для иноземного посла дел, Герберштейн решил посвятить изучению во многом загадочного тогда для европейцев Русского государства. Благо, хорошее знание языка позволяло не только подробно расспрашивать русских людей о жизни в Московии, но и читать книги из царской библиотеки, откуда он почерпнул множество интересных сведений о разных

Оказывается, никакого произвола иноземными картографами допущено не было, и исток этой «истории с географией» также следует искать в древнерусских летописях. Впервые же сибирское Лукоморье появляется еще в «Повести временных лет», в том части, где летописец передает рассказ новгородца Гюряты Роговича о походе его сына на Югру.

российских землях. В той или иной трактовке рассказы из русских летописей и дорожников позже вошли в книгу Сигизмунда Герберштейна «Rerum Moscoviticarum Commentarii» – буквально «Записки о московских делах», увидевшую свет в 1549 году вначале на латинском языке, а затем – в переводах на многие европейские языки, в том числе и на русский. В русской литературе она известна, как «Записки о Московии».

Помимо личных наблюдений, в книгу Герберштейна попали и рассказы о Лукоморье и лукоморцах, полученные из русских дорожников, в частности, того же Югорского:

«Лукоморье – приморская лесистая местность; тамошние обитатели живут, не имея никаких домов. <...> Река Коссин (возможно Косьва, приток Камы) вытекает из Лукоморских гор, при ее устье находится крепость Коссин, которой некогда владел князь Венца, а ныне его сыновья. До этих мест от истоков большой реки Коссин два месяца пути. От истоков той же реки начинается другая река, Кассима и, протекиши через Лукоморье, она впадает в большую реку Ташма, за которой, говорят, живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи

Лукоморье на карте Азии голландского картографа, гравера и издателя Герарда де Йоде. 1593 г.

Лукоморье на карте Тартарии французского астронома и картографа, члена Французской Академии Гийома де Лиля. Конец XVII в. ➔

головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь, или [у других] длинные руки, но без ног. Говорят, будто каждый год и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, [чаще

всего к] 24 апреля оживают наподобие лягушек снова».

На устных описаниях географического расположения Лукоморья «в горах по ту сторону Оби» в книге Герберштейна и основывались европейские картографы, нанося

Рассказы о Лукоморье, причем с теми же фантастическими подробностями о рыбах с человеческой головой, покрытых шерстью необыкновенных людях, которые живут в подземных пещерах, и тому подобными байками, долго еще кочевали по путевым запискам иностранцев, побывавших в Москве. Так складывался классический образец восприятия России европейцами XVI-XVII в...

его на карты между правым берегом Оби и левым берегом Енисея, тогда как под Лукоморскими горами, возможно, подразумевалась часть Среднего Урала. Впрочем, следует согласиться с исследователями, считающими, что вероятнее всего и Меркатор, и другие картографы использовали не только данные Герберштейна, но и другие источники, в настоящее время неизвестные.

Рассказы же о Лукоморье, причем с теми же фантастическими подробностями о ры-

бах с человеческой головой, покрытых шерстью необыкновенных людях, которые живут в подземных пещерах, и тому подобными байками, долго еще кочевали по путевым запискам иностранцев, побывавших в Москве. Так складывался классический образец восприятия России европейцами XVI-XVII века, даже если они, как итальянец Александр Гваньини (1538-1614 гг.), и оговаривались: «Слышали, но не видели сами».